
КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

РОССИЯ НЕ ЕВРОПА: СРЕДНЕСРОЧНЫЙ ОПТИМИЗМ (К МАТЕРИАЛАМ ДИСКУССИИ)

◆ Старинные наши *знакомцы** профессор Игорь Васильевич Скородумов и доцент-оружейник Николай Андреянович, жители среднерусского города Тулуловска, все четверги проходящей зимы, кстати, настоящей русской, многоснежной, умеренно морозной, проводили в загородном доме дальнего родственника профессора Прокофьяча — с супругой Тихоновной и котом Мичманом, после обеда уютно устраиваясь перед пылающим камином, гордостью хозяина-оригинала. Все их четверговые беседы относились к теме, намеченной друзьями поздней осенью прошлого года: умозамещение у современного человека... явно по аналогии с запиаренным прессой импортозамещением. Аналогии, понятно, не смысловой, но грамматической. Игорь Васильевич, задатчик такой занимательной темы, давно трудился над сугубо научной, с привлечением аппарата философии, логики и математической физики, монографией**, в которой доказывал необходимость (к сожалению...) долгосрочного этапа глобализации в период перехода от биосферы Земли к ее ноосфере — по учению нашего великого естествоиспытателя академика Владимира Ивановича Вернадского. Параллельно, как опытный популяризатор своей теории, он публиковал в редактируемом и вообще им же созданном журнале «Феномены разума: XXI век» доступные для читателей без специальной подготовки статьи по данной тематике.

Тема умозамещения у нынешнего человека, как переходного от классического *homo sapiens* к человеку ноосферному — обитателю планеты недалекого будущего, показалась профессору настолько актуальной и интересной, что он, не довольствуясь личным научным и жизненным опытом, взял себе в собеседники давнего друга и нынешнего коллегу по университету Николая Андреяновича — великолепного рассказчика, тонко анализирующего реалии наблюдаемой жизни. Так вошли у них в обычай зимние «четверги у Прокофьяча», еще более умудренного по его годам и стихийному, своеобразному самообразованию человека из самого что ни на есть народа: подгородных поселковых жителей.

— Ну что, Андреяныч, судя по сыровой февральской погоде, подтаявшей даже с утра лыжне, дрыхнущему без просыпа Мичману и вчерашнему телерадиопрогнозу, наши зимние четверги у Прокофьяча завершаются. Да и тему нашу исчерпали... Эх, сегодня Тихоновна и сгомозила обед! — Царский по нынешним фастфудовским временам. Словно тоже предчувствует: это последнее наше за зиму гостевание. А Мичман, тут уж безо всякого сомнения, своим звериным чутьем понимает: не скоро он еще послушает ученую беседу двух чудиков, радеющих о будущем, главное — настоящем, земного человечества. Потому не спит, но придуруется таковым. Зверя, да-

* См. книги автора из серии «Рассказы Николая Андреяновича» на сайте www.pz.tula.ru (раздел «Библиотека журнала «Приокские зори»).

** См. 14-томную (на сегодняшний день) научную монографию автора «Живая материя и феноменология ноосферы»; первые пять томов — см. каталог изданий <http://URSS.ru> Изд-ва URSS (Москва); остальные на ряде сайтов — наберите по поисковику: «Яшин А. А. Феноменология ноосферы».

же стопроцентно еще древними египтянами одомашненного, не проведешь: в эволюции инстинкт всегда сильнее интеллекта, то есть разума!

— Так к чему, Васильич, мы пришли почти за три месяца наших «четвергов»?

— А к тому, Андреяныч, чтобы нам с тобой не задремать, подобно Мичману, перед раскочегаренным Прокофьичем камином и после превышающего немислимо всякие там европейские диеты по калорийности обеда Тихоновны, надо по-русски вздрогнуть. Ра-а-зливай!

— Ух, хорош сегодня дагестанский из Кизляра, Васильич. Вот где пресловутое импортозамещение не требуется. Все же наши почти на всю зиму беседы об умозамещении, то есть волею и управлением всемирного глобализма переводе нормально, самодостаточно мыслящего человека в винтик-робот безмозглого «строителя светлого будущего», оставляют мрачное впечатление, безрадостное. Неужели просвета нет и не предвидится, а?

— Предвидится, хотя и, так сказать, на краткосрочный период и именно для нашей страны. Поэтому и окончание наших четвергов сделаем оптимистичным. Это как у Александра Николаевича Радищева, столь памятного нам с советских школьных лет. Помнишь, конечно, его знаменитое «Путешествие из Петербурга в Москву»?

— А как же, Васильевич! Даже в школьную присказку вошел эпитаф к книге из «Тилемахиды» Третьяковского: «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайя».

— Но я о другом и созвучном твоему вопросу о просвете в нашей глобалистской жизни. Ведь на протяжении двухсот страниц своей книги Радищев пишет об ужасах существования крепостных и вообще жителей России времен императрицы Екатерины Второй, но завершается «Путешествие» сугубо оптимистическим «Словом о Ломоносове». И я, Андреяныч, со школьных сочинений помню строки из этой главы: «Подстрекаем науки алчбою, Ломоносов оставляет родительский дом; течет в престольный град, приходит в обитель иноческих Мусс и вмещается в число юношей, посвятивших себя учению свободных наук и слову божию». И мы, в чем-то уподобляясь первому сочинителю-бунтовщику России, последний наш четверг озарим умеренным оптимизмом. Еще раз подчеркну: на достаточно короткий исторический срок и исключительно для России, вернее — для сложившегося за тысячелетие государственности русского характера, что совершенно справедливо на Западе укладывают в формулу: «загадочная русская душа». Итак, вдогонку по второй кизлярского за здоровье недавно избранных наших думцев, сплошь трезвенников и некурящих, и перейдем к существу завершающей беседы.

◆ — Умозамещение, как мы с тобой, Андреяныч, условились принять за истину в первой инстанции, есть одновременно средство, тактика и достижение цели в глобализации. Я уже утомился спорить со своими оппонентами, как друзьями, так и научным «врагами»; естественно, не в Тулуповске, где на разные философские категории всем и всея наплевать, а по всей стране и русскоязычному миру — в основном, на страницах моего журнала. Как-то не могут они, что стронники коммунистической идеи, что апологеты либерализма и демократии западнического пошиба, понять, точнее — принять: во-первых, правым оказался не Ленин, а старина Маркс, то есть не отдельная страна, даже группа стран, сможет оторваться от капитализма и навечно перейти к социально организованному государству, но — только все страны, весь мир одновременно. Во-вторых, только у утопистов Мора и Кампанеллы, на естественные человеческие фантазии которых во многом ориентировались и Маркс и Ленин, и вся когорта европейских и русских, далее советских, социалистов, светлое коммунистическое будущее вырисовывалось как рай земной: каждому по потребности, от каждого по способности. Это все хорошо даже не в идеале, но и в возможной действительности, однако при неперемennom условии: человек будущего остается

точно таким же, *1:1*, как пишут инженеры на своих чертежах, что наблюдали вокруг себя Маркс, Ленин и так далее, в том числе и мы с тобой, Андреяныч, почти до окончания прошлого века.

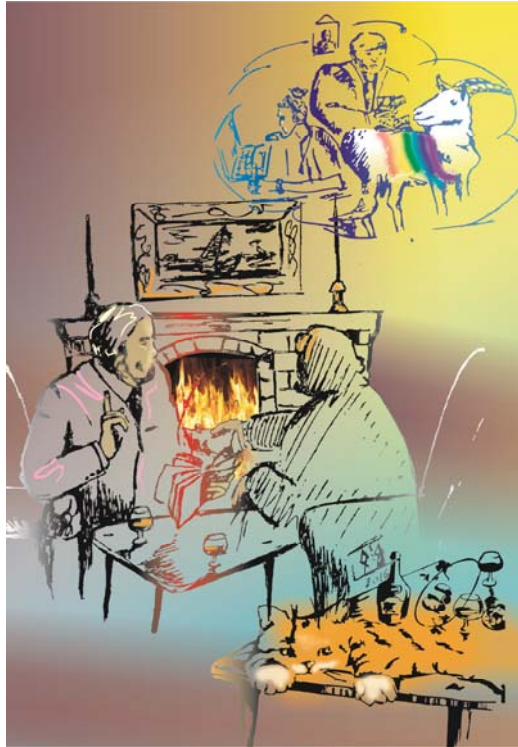

Рисунок Олеси Янгол (Юрмала, Латвия)

...История движется не по прямому пути: от точки «а» до точки «б», далее «в», но методом проб и ошибок. Конечно, создание усилиями Ленина и Сталина СССР, а затем, но уже только Генералиссимусом, социалистического блока в Европе, Азии, отчасти в Латинской Америке и Африке, при том, что Советская страна стала сверхдержавой, не было ошибкой Истории, но ее мощной пробой. Увы, проба эта противоречила геополитическому, экономическому и пр. раскладу мировых сил, а главное — всем трем законам диалектики Гегеля — Маркса. Проба показала, что социально ориентированное проживание человечества возможно, дееспособно, но переход к нему возможен только «всем миром», говоря по-крестьянски, и при непременном исчерпании, исторически предопределенном, возможностей частнособственнического капитализма. Увы, даже к началу третьего тысячелетия эти возможности высшей стадии его, империализма, оказались достаточно мощными. Это доказано поражением (не распадом! — Паскудное определение...) СССР и его блока в Третьей («холодной», информационной и пр.) мировой войне. История явно показала на этом трагическом примере: империализм не победим, пока не исчерпаны «квоты» частнособственности — уже и сейчас атавизма человеческой эволюции.

Оппоненты — с той и другой сторон — яростно возражают мне: империализм победил социализм, подчинил себе весь мир, так что: будущий коммунизм отменяется раз и навсегда?

Мне сложно им возражать: в них не анализирующий ум сейчас говорит, а по-

стигшее их умозамещение... Да, империализм образца конца двадцатого — начала двадцать первого века празднует полную победу, но она же и пиррова! А потому пиррова, что этой победой классический империализм исчерпал себя: уже нет единства и борьбы противоположностей — по Гегелю и Марксу, а это суть состояние загнивания. Тигр, победивший на своем «участке ответственности» уссурийской тайги всех врагов-конкурентов, сразу расслабляется и нарывается на пулю китайского браконьера. Еще хватает разумения у современного сверхимпериализма обезопасить себя, приняв стратегию глобализма. Но — это прямой, хотя и долгий, от восьмидесяти до двухсот лет по разным источникам политологов-профи, путь к Марксову переходу «всем миром» к социально ориентированному моногосударству Земли. Вот с какой целью Истории, то есть запрограммированному Мирозданием движением биоэволюции, потребовался период, или целая эпоха, глобализации. Действительно, как уже сейчас зримо стираются геополитические границы между странами и их блоками, а главное — идет уничтожение отжившего свое инстинкта частнособственничества в его классическом понимании — основного препятствия к социально ориентированному мироустройству. Подспудно ликвидируется мелкое и среднее собственничество, а более крупное сливается в одигархат. Но эта мировая власть «двухсот семей» уже не есть частная собственность в ее привычном понимании, но де-факто обезличенные, хотя и с именами — по традиции, центры промышленно-финансовой инфраструктуры мирового хозяйства.

...Уходят в прошлое девяностых и начало двухтысячных годов всплески молодых исторически, от того и нагло-показательных, отечественных олигархов с их любовно освещаемыми СМИ поездками в Куршавель с вагоном московских вилл-проституток: они красивые и недорогие по сравнению с архикорыстными европейскими кобылами «ни кожи, ни рожи».

А дальше — дело техники, как, Андреяныч, ваш брат от военной инженерии говорит: Тайное мировое правительство, которое и сейчас уже нами всеми исподволь управляет, скоренько разрушит — что оно сейчас и делает успешно методами гибридных войн — Исламскую дугу, найдет управу на Китай и другие страны-миллиардницы, и объявит всемирное социальное государство. Это и будет наше «светлое будущее». Вроде как и коммунизм для людей будущих, ноосферных, но люди-то будут уже другими: умозамещенными. Ну и что? Мы с тобой для советской эпохи своими людьми были. Все нас устраивало, а легкое, имманентное для любого нормального человека, недовольство гасили в кухонных, немного диссидентских разговорах, анекдотах про руководителей партии и правительства. Наши дети, вообще говоря, не особо недовольны нынешним *status quo*, которое нам с тобой тошнотворно. Ибо они уже другие люди. Внуки... и так далее. Почему же людям ноосферным двадцать второго века не приветствовать такой вот вариант Марксова коммунизма? Человек создан эволюцией как воплощение интеллекта, но не животного инстинкта, потому он перестраивается не *генетически*, но фенотипически, даже просто *фенотипически*: уже между дедом и внуком — пропасть в восприятии реалий бытия. Но это во все не различие, с возрастом переходящее в преемственность поколений, как в «Отцах и детях» Тургенева, но уже нечто иное, ибо между нынешними дедами и внуками цепь преемственности разрывается умозамещением, как средством перехода от человека биосферного к ноосферному, о чем я вкратце сказал. Это перелом в эволюции человека, какового до сих пор она не знала. И временные рамки этого перелома и разрыва цепи преемственности суть период глобализации.

Кстати, в самом начале наших «четвергов у Прокофьяча» речь шла о нобелевском лауреате, создателе науки этологии, то есть о поведении животного, человека тож, Конраде Лоренце. Помнишь ведь рассказ о встрече моего дядьки Степана, лей-

тенанта по финансовой части, с военнопленным, также бывшим лейтенантом вермахта, Лоренцем? Так недавно перечитывал сборник его основных трудов и натолкнулся на размышления как раз по эволюции преемственности поколений.

Пишет он, что у древнего человечества связь поколений была настолько тесной, что в поведении и мышлении не то что дети, но и внуки, правнуки и так далее «пра» почти ничем не отличались от своих пращуров. Чуть-чуть эта связь ослаблялась в последующие тысячелетия цивилизации и культуры, но только в Новейшее время появилось «разночтение» отцов и детей, обусловленное фактором, как пишет сам Лоренц, *нефрустрационности*, то есть редко видя занятого работой отца вне дома, сыновья теряют образец для подражания. Ну, это я к слову.

Но мы в сегодняшней «каминной» беседе общепланетарные тенденции суживаем до отдельно взятой России, до русской сущности мировосприятия. Имеешь, Андреяныч, что сказать о русской же специфике глобализации?

◆ — Конечно, Васильич, имеются кой-какие наблюдения. Не владею твоим строгим логико-философским «штилем», мы люди простые, от сохи...

— Эк тебя, Андреяныч, кизлярский раззадорил! Давай к сути.

— А суть такова, что в части всяких исторических, политэкономических и прочих процессов в России все происходит по-иному. И вовсе не потому, что «один я иду в ногу, а все остальные не в ногу...». Нет, русский человек, включая всех мыслящих по-русски: восточных славян, даже бунтующих сегодня супротив нас братанов-хохлов, наших угро-финнов, евреев, татар отчасти и прочая «ста языков», всегда и сейчас отличается от Запада-Востока, прежде всего от европейцев, тем, что изначально не пальцем делан, как грубовато народ выражается, но исторически жизнь приучила его мыслить *самодостаточно*, то есть только краем уха, с ухмылкой про себя, слушать увещевания древних князей, потом царей, императоров и так далее, благостные наставления языческих жрецов, попов, заменившей ее «нашей партии» и опять так далее, а сейчас всех и вся затмивший телевизор.

Сложнее дело с главным средством — проводником глобализации — телекоммуникационными сетями в ипостаси Интернета, а внутри него — социальными сетями. Понятно, что последнее есть величайшее изобретение дьявола, понимаемого как совокупность высших органов глобализации: под внешней оболочкой сугубо личного обмена людей — с преобладанием полной дури — все это умело направляется некоей рукой, имея целью всемирное умозамещение.

И здесь комплимент России, а именно в смысле действенности известной притяжки о дураках-чиновниках и плохих дорогах. Последние надо понимать в смысле протяженности страны на десять часовых поясов (или их пробовали сократить? — Не было внятного разъяснения) от сталинского завоевания в бывшей Восточной Пруссии до его же приобретения Курильских островов. Опутать все эти грандиозные пространства всемирной паутиной дело дорогостоящее на фоне всеобщего нищенства. А что касается дураков-чиновников, то что с них взять? См. Салтыкова-Щедрина, особенно сказки о лесных воеводах...

Понятно, что Россия в планах мировой глобализации, начиная с ее капитуляции в Третьей (...и так далее) мировой войне, уже четверть века вовлечена в этот проект. Уже не говорим о Меченом, запойно-воровских девяностых, но сейчас это архиуспешно насаждается. Успешно как с позиций политики, превалирующей сейчас над экономикой, так и умозамещения населения страны.

«Как? — воскликнет рядовой обыватель, давно уже зашоренный умозамещением, — это Россия-то, что сейчас, хотя бы и не по своей воле, противостоит почти всему миру империалистического глобализма уж точно на сто процентов! Мы отказались от ставшей национальной пищи — турецких помидоров, французского камам-

бера и рокфора, голландских устриц и вообще ото всего, за два года покупательская способность каждого из нас упала в три-четыре раза... все на оборону Родины от супостатов-янки с прихлебательской Европой! Что ты, доцентиска слабоумный, чушь несешь?!» И так далее по восходящей в эмоциях тональности от «до» до «си-бе-моль».

Что ему, друг Васильич, ответить? Он же, наш добрый сосед-обыватель, зашорен телящиком с его агитками-речевками. Еще про нефтяную иглу с сочувствием к самому себе поймет, но тут же поставит под сомнение твое, явно не от телевизора, толкование: доллар и цены в магазинах, сплошь принадлежащих забугорным торговым сетям, выросли в два-три раза вовсе не от снижения стоимости «барреля», но от компенсации привычных доходов отечественной буржуазии: от олигархата до мелкооптовых спекулянтов, коим очень даже сочувствует госбанковская система.

И совсем не будет слушать вас сосед, добрый знакомец и веселый собутыльник в «мирной» жизни, когда ты заикнешься, что-де для мирового, всеобщего процесса глобализации внешнее сопротивление отдельных стран, даже бывшей сверхдержавы России, все одно, что сопротивление течению большой реки многочисленными препятствиями: от плотин гидроэлектростанций — это ассоциация с Россией — до порогов — вроде как Северная Корея с ее ядерным оружием, не считая суживающихся скал — берегов, заторов из бревен при неграмотном лесосплаве и так далее. Ассоциаций с разными странами здесь масса: от социалистического Острова свободы и госкапиталистической Поднебесной до каких-нибудь тихоокеанских островов и мелких африканских государств, требующих за включение их де-юре (де-факто они давно там уже...) в глобалистский миропорядок «дипломаты» и «арбузы» долларов...* Все одно реку не остановишь.

Хочешь, не хочешь, но при всех внешних — повторяюсь — противостояниях России с миром объединившегося империализма и его марионеток, в основном, из стран бывшего соцлагеря и республик Советского Союза, страна наша успешно глобализуется внутренне. — Даже не столько усилиями олигархата и пресловутых агентов влияния, что разрушили СССР, но общим движением мировой истории. Против лома нет приема. Против уже объединившегося империализма тем более. И наши СМИ уверенно внушают: Россия суть субъект глобализации.

В такой ситуации об автаркии России, хоть в малом повторяющей таковую сталинскую, и речь не идет.

Будь добр, Васильич, перехвати развитие темы, ты ведь мастак по анализу мировой политики, а я похлебаю чайку с лимончиком под кизлярский. Только Прокофьич умеет так чай заваривать! Даже Тихоновне это святое дело не доверяет... как кавказец женщину ближе двух метров к готовящемуся шашлыку не подпустит.

◆ — Понимаю твой завуалированный вопрос: для чего глобализаторам, без того знающим о своей скорой победе над всем обитаемым (и необитаемых Арктикой и Антарктикой), миром, понадобилась этакая образцовая порка малого числом сопротивляющихся внешне стран, России в первую и главную очередь? Вопрос правильный и своевременный. Верховоды-глобализаторы — это не американские президенты, путающие Австрию с Австралией; не хлопотливые немецкие канцлеры из бывших гэдээровских комсомолок**; ни растерявшиеся французские президенты и так далее вплоть до описанных Маяковским: «Не повернув головы кочан и чувств никаких не изведав, берет паспорта датчан и прочих разных шведов».

* Из позабытого в обиходе чиновно-бандитско-воровского мира жаргона «лихих девяностых»: дипломат — 1 млн. \$; арбуз — 1 млрд. \$.

** То есть членов *FDJ* — *Freie Deutsche Jugend*, ведущей свое начало и традиции еще от «спартаковцев, смелых бойцов» начала 20-х годов.

Главные верховоды — это даже не физические лица, а системные институты (не в смысле учебных или исследовательских организаций) Тайного мирового правительства, тщательно просчитывающие в высоколобых мозгах и на мегакомпьютерах все известные ходы истории и пролонгирующие их на текущий, оперативно-тактический и стратегический ход глобализации.

А исторический опыт говорит: «взятая с бою» страна подчиняется намного крепче, нежели договорно-уговорно ослабленная. Ближний и наиболее характерный пример — Германия, проигравшая в двадцатом веке две мировые войны. В первую из них Германия сдалась Антанте именно договорно: после подписания в вагоне на пограничном полустанке капитуляции, принятой верховным главнокомандующим союзников маршалом Франции Фердинаном Фошем, Германия выплатила огромную контрибуцию, ей было запрещено иметь современную армию и ее вооружение, но страна не оккупировалась, исключая Эльзас-Лотарингию, но это извечный спор ее с Францией: в каждой очередной франко-германской войне победитель забирает себе важный промышленный район. Отсюда и население Эльзаса — французские немцы или немецкие французы... Самое существенное: победители вообще не вмешивались в дела внутригерманского устройства с их революцией, Веймарской республикой и Третьим Рейхом.

Иное дело Вторая мировая: полное подчинение с оккупацией — это Германия, взятая с бою в буквальном смысле. И результаты разительные: после поражения в Первой мировой Германия очень скоро проникнулась единым духом национализма и жажды отмщения покорившей ее Европе. Но итог Второй мировой известен всем: уже не двадцать лет, как между войнами, а семьдесят с хвостиком Германия ниже травы, тише воды, а в современном состоянии — после позорной сдачи ГДР Западу Меченым — уже навечно политический сателлит Америки, а значит и накрепко схваченное звено глобалистского мира.

Переходим к России. Понятно, что здесь искомый вариант «взятия с боя» есть эвфемизм: в нынешнюю эпоху гибридных (очень удачный термин политологов!) войн большеформатные «горячие» войны исключаются. К тому же России удалось сохранить сталинское военное наследие, многожды умноженное в 50—70-е годы — здесь главная заслуга самого молодого сталинского наркома Дмитрия Федоровича Устинова. Запад понимает прекрасно: оружием Россию с ее ядерным щитом не взять. То есть «взятие с боя» подразумевает умело скомбинированный набор информационных, экономических, политических и прочих элементов гибридных войн.

Опять же, Андреяныч, твой добрый сосед-обыватель встрепетается: дескать, помним мы девяностые годы, когда и власти наши расстилались перед янки, и народ в общем-то, исключая потерявших всякую власть старых коммунистов. Шеварднадзе еще при Меченом отдал америкосам всю восточную нефтеносную Арктику, а Ельцин задарма пообещал им стратегический запас обогащенного урана, накопленный Советским Союзом за сорок лет! Почему же они, сукины дети, не взяли нас тогда за хебос голыми руками?

Не так все просто. Во-первых, как-то твой сосед совсем сбросил со счетов народ, в девяносто шестом году проголосовавших де-факто за коммунистов, которые испугались взять власть. Во-вторых, я с того и начал: нужна образцовая порка для последующего послушания. Согласен, может глобалисты и переборщили со своими гибридными войнами и показательными порками. Рад бы всей душой полагать, что нашла коса на камень, как мы внешне, политически видим сейчас, рад... Не такое уж и далекое будущее покажет, но мы с тобой скорее научные пессимисты, нежели восторженные оптимисты. Настораживает подчеркнутое преобладание внешней политики над внутренней экономикой.

И нам с тобой, Андреяныч, хватит политиканствовать... а к анализу нашей экономики и приступить страшно, горько и обидно. Давай еще по рюмахе за нашу возрождаемую — надеюсь, что это не видимость как все остальное в стране — армию. С флотом сложнее: дорог он очень и много времени требуется. А закусив, перейдем собственно к русскому характеру, как антитезе европеизму. Главное, пришли мы к выводу: глобализация неизбежно захватит и Россию, что уже и происходит, но и здесь *мы — не Европа*, не подчиняемся ее стандартам. Бум здрав, дорогой коллега.

◆ — Но все же, Васильич... характер характером, загадочная русская душа и прочее, но ведь само умозамещение, тема наших с тобой многочисленных бесед, есть фактор, поддающийся сугубому научному обоснованию. Или я не прав!

— Семижды семи прав, старина! Поэтому немного отодвинем наш славный русский характер, а я вкратце изложу свою точку зрения на этот предмет. Свою — в смысле моего системного, так сказать, обобщения-вывода. Но многие первостатейные мировые умы об этом размышляли, именуя умозамещение другими терминами: уже не раз всплывавший в наших разговорах Конрад Лоренц, нобелевский же лауреат Анри Бергсон, наш соотечественник, недавно ушедший из жизни академик Влаиль Петрович Казначеев из Новосибирска... Многих можно назвать — и не зазря! Опять же Ивана Петровича Павлова с его условным рефлексом и Зигмунда Фрейда с психоанализом... Хотя двое последних очень уж сосредоточились на своих гениальных учениях. Фрейд и вовсе своим либидо «подмял» под свою теорию все мыслимые биологические, психологические, социальные и так далее науки.

Ладно, отвлечемся от нобелистов и приравненных к ним. Не погрешу против их мнений, если определю умозамещение в нашей с тобой трактовке как вытеснение — в определении Фрейда — здорового, самодостаточного ума-мышления из собственно сознания в самые глубокие «каморки» подсознания, загоняя его намного ниже порога этого сознания. Такой процесс уже Лоренц называет *индоктринированием*. Термин этот можно перевести на русский как погружение человека в некое, навязываемое ему «одномыслие»: от латинского *in*, то есть «в, внутри», и доктрина, что само собой понятно без перевода. Вот внушили такому подопытному умозамещенцу, что «партия наш рулевой» или «доллар есть главная общечеловеческая ценность» — и все, пропала самодостаточно мыслящая особь, возник робот в облики человеческого.

Самое существенное, что такой человек, загнавший — сейчас обычно по «приказу» телевизора или соцсетей Интернета — обычные умоистины в чуланы подсознания, в высшей степени агрессивно сопротивляется возврату их в активное сознание; причем неважно, кто и что требует этого возврата: собственная потребность исправить свою глупость, советы и увещания добрых людей, почуввавших, что их родственник, друг, просто сосед, как у тебя, Андреяныч, попал в беду. Это как в фольклорном анекдоте: пришли сваты в дом невесты, расхваливают ее родичам своего парня: и не пьет ни капли с рождения, не курит, не драчливый, за девками не бегают... А с полатей столетняя старуха встревает: «Чай, не дурачок ли ён у вас?»

Как только индоктринирование в конкретном направлении охватывает усилиями тех же СМИ широкие массы — считай, пропало человечество! Явление дьявольское, что мы сейчас и наблюдаем не то что ежечасно, но ежесекундно: весь мир объединяется в едином вредоносном заблуждении, которое кому-то очень нужно. Это и есть полное умозамещение, есть итог глобализации.

...Не буду загружать тебя, Андреяныч, терминами психологии, но все же намечу цепочку массового, всемирного умозамещения. Про индоктринирование вроде все сказано. Далее утомлю тебя еще двумя «импортными» понятиями. В Америке господствующая в психологической науке есть теория *бихевиоризма*, то есть, как записано в их конституции: любой человек рождается свободным и абсолютно равно-

правным — в том толковании, что на момент рождения голова его пуста, *tabula rasa*, то есть «чистая доска», говоря по ученой латыни. И что хочешь в эту пустую башку закачивай!

Хорошо, если бы это оставалось сухой, бесполезной теорией, но америкосы руками и ногами уцепились за этот бихевиоризм, сообразив, что с такой идеологией проще всего штамповать людей-винтиков для фордовских конвейеров и так далее, вплоть до сенаторов и президентов. Итак, индоктринируемость воплотилась в практике американского, а потом и вселенского бихевиоризма. И — не кляни меня, Андреяныч, — еще один заумный термин: *кондиционируемость* людей. Эта завершающая процедура в массовом умозамещении после индоктринирования и биохевиоризации и означает всеобщую промывку мозгов. Улавливаешь точность и определенность этого названия: кондиционер — равномерное проветривание, то есть та же самая промывка! Означает процедуру одинакового развития, то есть умозамещения, всех людей. В итоге глобализм справляется с основной своей целью: нет самодостаточно мыслящих индивидуальностей, есть мировая общность послушных, умозамещенных роботов-винтиков.

Кстати, вся эта цепочка, ведущая к умозамещению, продумана как строгое следование сочетанию трех основных законов диалектики Гегеля — Маркса! Вижу, не удивляешься. И правильно делаешь, От Маркса никуда не денешься. Потому его сейчас нигде директивно не изучают, исключая самые престижные университеты: Итон, Кембридж, Оксфорд, Гарвард и Массачусетский технологический институт, где готовят высших управленцев глобализируемого мира.

Итак, Андреяныч, мы определились, что в части неизбежной глобализации Россия не Европа; у нас и туда свой путь. И биолого-психологические основы умозамещения наметили. Сейчас же к другой ипостаси нашего отличия от Европы перейдем: русский характер и наш кондовый генофенотип. Что ж мы с тобой? — Разлили и не пригубили — нехорошо для течения беседы. Прочистим, пока еще не импортозамещенным, кизлярским наши головы от чужеродной терминологии. Твое здоровье вдругорядь, дорогой наш Мичман! — Кот на кличку проснулся, недоуменно оглянулся, повернулся на другой бок, закрыл мордочку лапой и пушистым хвостом, снова погрузился в приятную околокаминную дрему.

◆ — О кондовом, он же посконный и домотканый, характере русском поговорим, Васильич, захлеб: тема-то благодатная и неисчерпаемая, навряд ли тех же старинных вопросов: кто виноват и что делать?..

— Да-да, как у нас в «универе» отвечают на них: виноват всегда стрелочник — подчиненный, а делать все надо согласно штатному расписанию.

— Я просто хотел вдогонку вставить пару слов по части глобализации России. Мне представляется, что империалисты, глобализирующие нас, для осуществления «образцовой порки» не только изолировали Россию ото всего мира, но и создали для нее образ врага, умело организовав ситуацию на Украине, при которой нам, дабы совсем не потерять лицо, пришлось втянуться в противостояние с ней. Мощно и грамотно было продумано! Тож самое с Сирией и ИГИЛ* — поспорить с мусульманским миром. Правда, здесь у них осечка вышла, видать, мегакомпьютеры перегрелись что ли: кроме Сирии у нас появились союзники в лице Ирана, отчасти Турции и Израиля... Замечу попутно, уже безо всякого упоминания о России: взяли реванш в самом гнезде глобализации, начав разваливать главного внутреннего противника — Евросоюз — демонстративным выходом Англии... Ладно, позволь мне по теме ска-

* Как дана инструкция для СМИ: при каждом упоминании ИГИЛ и других «контриков» оговариваться: «Запрещенная в России». Согласны — для пользы дела. Но в публицистике и художественной прозе этот портит стиль изложения. Извиняемся.

зять о русском характере, что так порой то восхищает, а чаще пугает Европу, которая и сама не считает Россию своей частью. Кстати говоря, популярное сейчас евразийство если и имеет отношение к нам, то только лишь по части географии... и внешней политики.

Русского человека, как истинного и безусловного государственника, четко и на века обозначил Пушкин в программном стихотворении «Клеветникам России». На том и стоим, в отличие от Европы, которая сейчас в рамках упомянутого Евросоюза практически отказалась от государственности и национальной идентификации в пользу буржуазного экономического прагматизма.

Конечно, и у сугубо государственного мировоззрения (язык не поворачивается употребить чужеродный термин «менталитет») русского человека, и у практического отсутствия такового в европейском месиве есть историческая предтеча. Точнее, следует держать в голове школьный курс истории. Главное здесь: причины и последствия средневековой феодальной разобщенности. То есть действие в исторической и политэкономической вариации диалектического закона перехода количества в качество происходило в Европе и в России различно.

Если свободолюбивая Европа после распада Римской империи почти на полторы тысяч лет погрузилась в воинскую соревновательность феодалов (вассал моего вассала не мой вассал...), превратив своих хлебопашцев в безликое отощавшее стадо, то обрести статус централизованного государства Московской Руси помогла... монголо-татарская орда, вернее, монгольская верхушка — потомки Чингиз-хана. Да-да, именно так: им азиатская лень и отвращение к земледелию претили содержать на огромной завоеванной территории бесчисленную армию надсмотрщиков, потому они и создали союзное — именно союзное, не вассальное! — русское государство: Улус Джучиев. Очень даже скоро этот улус стал Московским объединительным княжеством, потом царством, а ордынцев заставил пахать землю в Казанской губернии, торговать и трудиться носильщиками и чистильщиками обуви в своей столице...

Итак, если при Иване Грозном (как бы он понадобился России сейчас!) русское царство начало серьезно пугать Европу своей самодержавной государственностью, то, исключая торговую «англичанку», последняя обрела государственность в целом только в Новейшее время, когда Бисмарк собрал под прусский скипетр тридцать самостоятельных германских княжеств и маркграфств. А Гарибальди сделал это в Италии еще позднее. Здесь не мы Европу догоняли, но совсем наоборот...

Как мне кажется, извиняюсь: кажется — креститься надо, как думается, не только наше опережение в государственности очертило русский характер. Необъятные просторы, сплошной лес Московской Руси, в муках отвоеванная от сосны и ели пахотная земля, изначальная оседлость и крестьянствование, враждебность всего окружающего Русь-Россию мира — все это и создало русского человека в убеждении: всем миром одолеем, на миру и смерть красна, за богом молитва, за царем служба не пропадет и так далее из Даля и фразеологических словарей русского языка.

Отсюда же и неискоренимая вера в царя-батюшку, которую они и оправдывали всегда; надеемся, и сейчас оправдают. Дескать, царь дал народу тягловому жалованную грамоту, а злые бояре-свокорыстники ее украли и зарыли в землю... Эта вера была блестяще использована самородным русским, казачьим умом Емельяна Пугачева, чуть-чуть не вздыбившему Российскую империю. Эта вера началась с уездных князей-самостийников, окрепла при первых великих московских князьях, а далее по накатанной при царях рюриковских и романовских, императорах — мужиках и женщинах (в восемнадцатом веке), даже при Керенском с ощипанном государственном орле — это как сейчас на банкнотах и монетах банка России, — генсеках, президентах. Исключения были: в Смутное время, в революции 1905-го и 1917-го годов и в горбачевщину с ельцинщиной по причине утраты доверия царю, а также в золотые

советские времена, особенно сталинские, когда бояр не было, а царь напрямую общался с народом. Сейчас, как каже... извиняюсь вдругорядь, эта вера пропагандой СМИ возрождается. Оно и к лучшему: лишь бы не было войны... в пределах государства. Это все в нашей генетической памяти сплошь потомков крестьян-землепашцев, для которых любая война — несобранный урожай: помирать собрался, но рожь сей...

Добрый наш народ все же! Как писал в нетленном романе «Юрий Милославский» наш старинный писатель Загоскин в том смысле, что добры в естестве своем все русские: крестьяне и разбойники-шиши, бояре и их крепостные, князья и их мародеры-приказчики... Все добрые, лишь бы их захватчики-ляхи и шведы-супротивники не тревожили.

— А как же чиновники? Тоже «Юрия Милославского, или русских в 1612 году» почитывали. Что-то Загоскин о них не упоминает?

— Как же, Васильич, не упоминает, а всякие писцы и дьяки? Приказные избы опять же. — Это все родина наших родимых, обласканных Гоголем и Михаилом Евграфовичем российских чиновников, коим мы и сейчас рукоплещем на всякого ранга выборах, в теленовостях, в ЖЭКах и прочая, прочая...

Чиновник! — Как замирает сердце и душа русского человека, государственника и субординированного подчиненного, при сладостном этом слове. Вот выступает-вышагивает он, сиренево-шоколадный или иной под окраску официально утвержденного колера, с откормленной под поросенка физиономией — это из нынешних молодых — и для него весь окрестный мир воссияет!

Вот где мы, Васильич, на сто двадцать процентов не Европа! Если там чиновник есть сугубо наемный или избранный голосованием, наконец, назначенный властью работник по части управленческой политики, часто в глаза ругаемый, не сходящий со страниц провокационных еженедельников навроде скандального «*Hebdo Charlie*», с зарплатой, чуть превышающей рядовую клерковскую, преследуемый ордами хроникеров и папарацци (избави, бог, «налево» пойти или позволить в законный выходной день оттянуться за бутылочкой бургонского или рейнского!), словом — несчастнейший из жителей того же Рима или глухой французской деревушки*, то в России в части чиновничества все сказано гениальными словами известного остряка: «В России генерал не звание, а счастье». Конгениально!

◆ — Да-да, Андреяныч, в наших кругах, если упомянешь эту присказку, тотчас по въедливости преподаской начинают спорить об авторе ее: из старших поколений ссылаются на Салтыкова-Щедрина, из молодежь приписывают генералу Лебедю. Впрочем, оба в таковых чинах состояли — Михаил Евграфович по табели о рангах как вице-губернатор, потому оба и все прекрасно знали о чем говорили...

Чего далеко за примерами ходить-то! Зайди в главный корпус, где все пять этажей сейчас заняли расплодившиеся до невероятия службы-отделы, только полуподвал оставив для библиотеки и архива. Народу там по коридорам мелькает поболее чем в ином учебном корпусе студентов и преподав: толпы служилых баб мигом рассыпаются и ныряют в свои комнаты, и вот в образовавшейся пустоте величественно шествует, бережно держа в обеих руках листок приказа на подпись у Самого, плотный облик, одетый в любой сезон в пиджачную пару, при белоснежной рубашке и галстук, чиновник высшего разряда до проректора включительно.

— Не хожу я туда давно, если только в библиотеку приспичит до зарезу...

— И правильно делаешь. Туда, особенно на второй «ректорский» этаж, давно уже ходят только по великой необходимости. Обязательно подвернешься под руку скучающему от хронического ничегонеделания небожителю: от въедливого замечания до совершенно ненужного тебе поручения тотчас схлопочешь!

* «Лучше быть последним в Риме, чем первым в галльской деревушке», — изречение Кая Юлия Цезаря.

Чего нам с тобой о русском чиновнике говорить? Все одно, что воду в ступе толочь. Все о нем сказали наши великие писатели. В одном, тверже стали закаленной, убежден: лучшие из чиновников в позднесоветские и нынешние времена — это евреи. С точки зрения подчиненных, разумеется. Но их мало сейчас осталось: в деловые сферы ушли, кто за бугор не уехал в девяностые годы. Жаль. А представь себе мысленно, что наш традиционный чиновник переродился в типичного европейского? — Это сплошной ужас случится. Как же мы без родного до боли? Тогда исчезнет и чисто русская каста подхалимов, а без них скука вселенская. Подхалим чиновничий — услада серой нашей жизни. Словом, от добра добра не ищут, даже если это издевка над добром истинным. Но — привыкли и расставаться не жа-а-лаем!

«Лето Господне» Ивана Шмелева, конечно, читал? Как он до дрожи душевной писал: «Холодно в России зимой — а тепло!» Так и о чиновниках хочется сказать. Но, хватит о них, родимых; мы ведь под Новый год им полноформатную четверговую беседу посвятили.

Я как-то тебе говорил, что горжусь собственным афоризмом: чиновник-патриот берет взятки только в рублях! Чиновник — от плоти своего народа, раз мы перешли к отличию русского человека от европейца в части всяких «измов». Не удивлю тебя, мой дорогой воспитанник Северного флота, потомственный старовер-старообрядец с примесью шотландской крови, это которые по словам Роберта Бёрнса умели гнать виски, еще находясь в утробе матери, матерого ракетчика, а ныне доцента нашего славного универа, если определю — в русском понимании — все эти «измы», включая особенно бюрократизм, коль скоро упомянули чиновничество, нашим добрым словом *пофигизм*. Понятно, что в простонародной речи слово это употребляется в иной синонимомантике, ядерной и всем понятной.

Не в том смысле пофигизм, что нет никакого дела до чиновничьей власти, того же патриотизма и интернационализма, но в восприятии природного русского человека — от сохи до академика — четко разделяются: чиновник — необходимое, во многом полезное мироустройству, государственное зло; патриотизм — изначально русское свойство, но квасной, декларируемый патриотизм суть демагогическая утка, впрочем, часто полезное при правильной госполитике — как сейчас видим. Интернационализм в нашем кондово-домотканном самосознании есть мирное, дружелюбное сосуществование «ста языков», но при двух неперемennых условиях: эти языки, коль скоро живут в России истари, принимают русское мировоззрение, хотя бы и посещают мечеть или поют под шаманский бубен; и главное — не ищут «где славны бубны за горами». Все тяготы — вместе, всем миром — русской деревней, татарской и башкирской тож деревней, кавказским аулом, среднеазиатским (это в советское время) кишлаком, якутским и бурятским (извини, не помню их названия) тож поселением, вплоть до чукотских чумов. Все радости, что были опять же в советское время, тоже вместе.

Второе условие — это где бубны за горами — полагает опять же сугубую государственность под благосклонной властью мудрого белого царя, который всегда остепенит, а то и отправит в узилище, злых бояр — зарвавшихся во взятках чиновников, что нынешняя власть (возможно, в силу безысходности) и демонстрирует активно-показательно, что мы, Андреяныч, и видим сейчас на примере тулуповских губернаторов. Правда, забывая, что поставлены они были во власти сверху...

Пофигизм, Андреяныч, есть мощнейшая самозащита русского человека от всего и всея: от неизбежного напора глобализации и тайно руководящего в России олигархата, что из грязи во в князи, до деревенского Ваньки-хитрована, сообразившего, что пришла его пора стать председателем сельсовета... или как там они сейчас именуются. А ведь есть еще мощно поднявшийся на селе класс кулаков-«фермеров», владель-

цев уездных «газет, заводов и пароходов», озлобленных от умоисступляющей работы-тяготы «менеджеров» и «офисных креветок» и так далее...

— Но ведь, Васильич, вроде как вся Европа пронизана пофигизмом в таком определении его?

— Нет, Андреяныч, там пофигизм от хронического безделья: худо-бедно, ограбляя весь трудящийся мир, они вынуждены содержать на госсредства этих дармоедов, попутно прославляя свою дерьмократию и общечеловеческие ценности. У нас же совершенно иное: труд, осмысленный или конвейерный, и пофигизм, как единственный способ сохранения здравого мышления. У них — власть частнособственничества, у нас — органическое отвращение к нему.

◆ — Но ведь и у нас сейчас, Васильич, сугубое частнособственничество, гарантированное конституцией?

— Гарантировано — не значит внедрено в умы полутора сотен миллионов человек.

— Хочешь сказать, Васильич, что за семьдесят лет советской власти отучили?

— Козыряй, как каталы карточные говорят и твои земляки — северные моряки. Нет, дорогой мой единомышленник и друг. Мичман — тоже друг закадычный, но мыслящий инстинктом, то есть бессловесный (заспанный от комнатной теплоты кот, не просыпаясь, только вильнул в знак согласия полосатым пушистым хвостом). В части частнособственничества мы с Европой опять же на противоположных полюсах — при почти полной сейчас внешней схожести. Я, как ты помнишь прекрасно, в прошлом году подряд в двух номерах своего «Феномена разума» всероссийскую и международную дискуссию провел. Многие авторы этих материалов вполне согласились с кардинальным различием отношения к частнособственности русского человека в подавляющем большинстве массы и европейского.

Исходить надо из того, что само это «собственничество» для современного человечества, активно вовлекаемого в ноосферизацию Земли, есть уже атавизм. Он сыграл мощную роль — по Энгельсу говоря — в создании государственности и ее минимальной ячейки — семьи, но в наблюдаемый нами период глобализации, как составной части ноосферизации, эта роль уже сыграна. Олигархат суть вписан в государственное устройство, как в современной России, где счастливые десять процентов условно держат в руках почти все, спекулятивные в основе, финансы и, используя принятый термин, реальный сектор экономики. То же самое, но в более изощренной форме, учитывая мудрость и старость своего капитализма-империализма, наблюдаем и на Западе. Европе, конечно, тоже. Словом, господство «двухсот семей», как движитель процесса глобализации.

Но если западное буржуазное устройство «мудро» от своей старости-долговременности, то русскому капитализму в развитой его форме от силы полторы сотни лет, от манифеста царя-освободителя. Да еще вычти из них семьдесят советских лет! — Всего-то ничего... Конечно, и до освобождения крепостных и так прекрасно описанного в русской классике бума железнодорожного строительства последней трети девятнадцатого века в императорской России имелись черты буржуазности: купцы, фабриканты, с некоторой натяжкой — крупные помещичьи землевладения с выписываемой из Англии сельхозтехникой, так называемые культурные помещики — сразу вспоминается Лёвин толстовский...

Однако, надо смотреть в корень русской специфичности: фабрикантами и купцами в массе своей являлись староверы, фактологически неправильно именуемые старообрядцами. Здесь, Андреяныч, слово за тобой, как потомком, хотя и не воцерковленным, но явно духовным этой славной когорты истовых русских людей! Как там у вас?

— А у нас Островский в своих пьесах все изоврал, пиарщиком, говоря по-

нынешнему, стал заработка ради. Хотя драматург от бога, слог народный до тонкости понимал. Правду же всю сказал Николай Семенович Лесков. В купцы-фабриканты староверы подались не от хорошей жизни: официальная церковь, люто преследовавшая их вплоть до речи Владимира Ильича с броневика на площади Финляндского вокзала, все староверам запретила в части занятия в жизни, оставив только хлебопашество и торговлю-предпринимательство, которые церковь относилась по старинке к низменному. Так староверы стали определять, как бы сейчас сказали, всю хозяйственно-экономическую жизнь империи к середине девятнадцатого века. Но истинное православие, даже излишне рьяно понимаемое, господствовало в их душах — особенно по части евангельского верблюда, стремящегося безуспешно протиснуться сквозь игольное ушко, о чем мы с тобой уже упоминали. Именно поэтому в части собственности, к которому сложно присовокупить слово «частно», они избрали позицию государственного стяжательства: копейки не упустят, но весь немалый капитал возвратят стране и народу. Ну-у, это давно всем известно: крупная, главное — целевая, благотворительность.

И что уж здесь говорить о тягловом русском человеке, которого от частной собственности отвращала веками крестьянская община, а в прошедшем веке общегосударственная собственность. Вот только последняя четверть века...

— И ничего, что последняя, Андреяныч! Действительно, многих, в том числе с чисто русским умозрением, искусственно повернули лицом к чуждому частнособственничеству, и что? В лихие девяностые это требовалось агентам влияния и прямым руководителям с Запада для разрушения страны. А сейчас, опять же оговариваясь по части олигархата, массовая частнособственность мешает государственному строительству... чтобы так не муссировалось в СМИ насчет развития всяких «бизнесов». Впрочем, вроде как по обязанности, вяло муссируют...

Но, главное, народ наш и сам уже потерял интерес ко всему этому: хлопотно, чиновников-обдирал море. Да и нет исторического гена частнонакопительства. Нет, Андреяныч, в этой части русский и европейский характеры, как разговор двух случайных собеседников, говорящих на разных языках.

◆ — Однако, Андреяныч, за окнами темень непроглядная на землю упала, через час последний городской автолайн прощально мигнет засыпающему пригороду с приютившим нас гостеприимным домом Прокофьяча, Тихоновны и, конечно, живущего на правах полной автономии Мичмана. Как бы не опоздать нам, давай завершим последний в эту зиму «каминный четверг». Вроде обо всем поговорено — и, куда ни кинь, всюду русский человек глубоко чужд этих самых европейских «общечеловеческих ценностей», то бишь евро-доллара, благоглупостей навроде толерантности и всяких «измов». Мы — одни, они — другие. У нас невоцерковленное истинное православное душепонимание, у них — официоз по минимуму. Я уже не говорю о пресловутой толерантности в части всяких извращений: у них психический праздник гомосекса, а у нас он — большая благодарность власти, в эту ловушку пока не попавшейся — стыдоба и принадлежность тюремного быта. У них нарочитая «инвалидизация» общественного мнения, у нас — истинное сострадание к убогим, но без извращенческого любования чужими бедами. Хотя и нас они порой пытаются приучить к этому: телешоу навроде «Танцы на колясках», паралимпиады всякие... Народ это не приемлет, просто помалкивает.

И глобализации мы сопротивляемся по-толстовски: каждый усовершенствуй сам себя. Но главные свои черты мы еще сохранили: природный ум и мечтательность, страсть к изобретательству и прохладное отношение к «конвейеру»; потому-то наши легковые машины (не грузовики и танки!) всегда будут хуже западных: нет желания заниматься «облизыванием» технологий изготовления. Пущай этим немцы занима-

ются, а мы лучше танками... Здесь, конечно, тоже технологии всякие, но они многопудовые, в мелкоскопы разглядывать монотонно не нужно. В электронике, которую все же в девяностые годы агенты напрочь разрушили, братья-белорусы, сохранившие ее, помогут.

Так худо-бедно и сумеем сохранять среднесрочный оптимизм. Мы ведь Россия, не Европа. И литература наша, как говорит твой, Андреяныч, сосед-писатель, свои позиции русскости не сдает. Будем оптимистичны в деле, которое все равно проиграем: вместе с глобализующимся миром, но — последними! Давай по последней на пошшок.

...Провожаемые хозяевами, включая окончательно проснувшегося к своему позднему дополнительному ужину — перед ночным бдением в ожидании прихода виртуальных мышей — Мичмана, гости вышли на крыльцо, привыкая после каминного райского тепла к сыровато-холодной февральской промозглости. Но все одно в чистом вечернем воздухе пригорода, лишённого в лихие девяностые годы всякой чадающей промышленности, дышалось легко. Бронхи и легкие уже улавливали в чернильно-фиолетовом (это по Пастернаку: «Февраль, налить чернил и плакать...») исходе зимы отдаленное веяние самого оптимистичного времени года: что-то слабо пахнувшее почками деревьев, которые сами мечтали покрыться зеленой кроной, и арбузным тлением прошлогодней слежавшейся листвы.

Попрощавшись, Николай Андреевич и Игорь Васильевич прошагали до калитки, у которой с уличной стороны их уже поджидал оседлый поселковый цыган Урупкин в неизменном долгополом пальто «гроб с каракулем», шапке-хрущевке, с топорщащимися буденовскими усами и личной овчаркой на поводке. Еще с ноября прошлого года он уяснил, что по четвергам у Прокофьича гостюют городские профессора, падкие на всякие старинные кунштюки. На этот раз он принес найденный в хламе на месте порушенного новыми владельцами участка Дома культуры — бывшей помещицкой усадьбы — латунный колокольчик без язычка, которым, наверное, добрый помещик вызванивал к себе в кабинет управляющего: «Насчет Федора того... на конюшне распорядись». Его тотчас, не торгуясь, купил Николай Андреевич, как человек военно-морского воспитания уважавший различные склянки, что на корабельном юте отсчитывают часы вахтенной смены.

«По ком звонит колокол?» — Можно и без кавычек.

